

ОЙКОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ В ДАГЕСТАНЕ

Ключевые слова: Дагестан, малые народы, протоэтноты, ойконимы, этнонимы

Анализ этнонимов ряда “малых народов” Дагестана приводит к выводу об их образовании от названий сел, являющихся “главными” для данной этнической общности. При этом этимология названий сел во всех рассматриваемых случаях сводится к понятию “село”. Таким образом, этническое название со смыслом, ныне не ясным для самих носителей разных этнонимов, имеет в рассматриваемой модели одно и то же значение — “сельчане”. В одних случаях образование этнонаименований по такой модели реализовалось явственно, в других же этимология не поддается столь ясному толкованию. Как бы то ни было, рассматриваемый факт свидетельствует о том, что на стадии возникновения самих этносов (протоэтносов) одна из моделей образования древних этнонаименований предполагала трансформацию ойконимов, значимых для данного социума, в его этноним. Велика вероятность, что эта модель была определяющей для обществ (союзов общин) раннеземледельческого типа с глубокими традициями оседлой жизни. Не случайно данный факт обнаруживается именно в Дагестане, традиционная культура которого в сочетании с непрерывностью его исторического развития существенно отличалась от других регионов Северного Кавказа.

Универсальность магистральной линии исторического процесса предполагает, в частности, существование в древности каких-то более или менее общих моделей образования этнодифференцирующих наименований. Для рассмотрения этого вопроса на региональном уровне богатый материал предоставляет Северо-Восточный Кавказ. Соответственно, историко-лингвистический анализ древних этнонимов дагестанских народов, как представляется, позволяет обосновать региональные (а в чем-то, может быть, и всеобщие) модели реализации рассматриваемого явления.

Для первобытного человека естественной являлась потребность чувствовать себя частью совокупности людей, близких ему по крови и связанных общей социокультурной практикой (единый язык, единые религиозные догмы, обряды, культы, а также общая хозяйственная деятельность). Формой объединения людей, связанных этими характеристиками, были относительно небольшие группы, существовавшие в виде родовой общины. Такая форма самоорганизации содержит в себе зачатки основных социальных институтов, развившихся в ходе исторического процесса в политическую, экономическую, государственную, религиозную, языковую составляющие этносоциума (Тишков 2003).

Этнос в сложившемся виде, как принято считать, — это совокупность людей, объединенных чувством своей исторической и культурной общности. На

Хизри Амирханович Амирханов | <https://orcid.org/0000-0002-9904-2539> | amirkhanov@rambler.ru | д.и.н., профессор, заведующий отделом археологии каменного века | Институт археологии РАН (ул. Дм. Ульянова 19, Москва, 117292, Россия)

догосударственной стадии этноса в этом смысле слова не существует. Существует лишь его предтеча в виде союзов обитателей небольших поселений (союзы сельских общин), близких друг другу по ряду признаков и, прежде всего, в языковом отношении. Конечно, такое сообщество не является сугубо этническим. Его основные характеристики (социальные, политические, экономические и собственно этнические) синкретичны. Они неразрывны и не проявляются порознь. В бесконечном процессе этнических изменений такие сообщества в стадийном отношении будут соответствовать понятию протоэтноса. Через это состояние, длившееся многие тысячелетия, прошли все современные народы. В некоторых регионах мира с экстремальными условиями и сохранившимися традиционными формами жизнеобеспечения такое положение остается практически неизменным и в наши дни.

Территориальная “малоформатность” социальных образований, присущая общинно-родовому укладу, на первых порах продолжала проявлять себя и после возникновения раннего государственного института. Один из популярных государственно-правовых постулатов даосизма гласит, к примеру, что хорошим является государство, просыпаясь в котором, слышишь утром лай собак из государства соседнего. Это не что иное, как метафорическое определение идеала политического устройства. Идеал лишь потому, что именно таковой (и поэтому казавшейся естественной) была сама практика раннего государственного этапа или историческая память о таком недавнем прошлом, сохранившаяся у современников Лао Цзы в VI в. до н.э. Само отражение этого факта в письменной традиции древнего Китая лишний раз говорит об универсальности для оседлых народов того явления, о котором идет речь.

Уже на самых ранних стадиях родовой общины существует необходимость в различении представителей разных общин друг от друга и наличии внешних названий и самоназваний дискретных сообществ. Наименования мелких, относительно замкнутых образований, соответствующих союзу указанных территориальных общин, можно назвать первичными этнонимами. В связи с этим привлекает внимание то, что на Северо-Восточном Кавказе эндоэтнонимы современных так наз. “малых народов” обнаруживают совпадение с названиями наиболее крупных сел, в которых проживают данные народности, а этимология самих этих сел восходит ни к чему иному, как понятию “село”. Жителями соответствующих сел последнее не осознается. Не был этот факт и предметом специального научного рассмотрения.

Что же первично в совпадающих названиях “малых народов” и их центральных, доминирующих населенных пунктов? Детальное рассмотрение приводит к заключению, что первичным здесь являются названия крупных, “главных” для данной народности пунктов обитания. Но суть заключается не только в том, что название малого этноса (в исходной форме протоэтноса) совпадает с наименованием его основного исторического поселения, а этноним в случаях, подобных описываемым, является производным от ойконима. Гораздо важнее то, что сам ойконим, от которого образуется тот или иной этноним, во всех рассматриваемых в данной работе случаях имеет одну и ту же этимологию — “село”. И, следовательно, этническое название со смыслом, ныне не ясным для самих носителей разных этнонимов, имеет в рассматриваемой модели одно и то же значение — “сельчане”. В каких-то случаях образование этнонаименований по такой модели реализовалось явственно, а в каких-то этимология не поддается столь ясному толкованию. Но и там, где воплощение такой модели не очевидно, сама тенденция к этому, несомненно, имела место. Приведем ниже несколько примеров, подтверждающих существование модели, суть которой состоит в том, что местный ойконим со значением “село” трансформируется в название обитающего там этноса (протоэтноса).

Андийцы — самоназвание *кѳʼаннал*; название основного села андийцев — *Кѳʼанну*. Анди — самое крупное андийское село, от названия которого и происходит сам

этноним “андийцы”. Зиловцы (жители андийского селения Зило) произносят это название как *уанну*; мунильцы (жители андийского селения Муни) — *уанду*; аварцы — *гЛанди*¹, или *гЛандиб*. Этимология представляется поддающейся расшифровке. Название можно возвести к правосточнокавказской (ПВК) форме *кѣЛ^еин^е* (“селение”), которая семантически и фонетически сближается с празападнокавказским (ПЗК) *кѣЛ^еена* в значении “дом” (Nikolayev, Starostin 1994: 471). Близкое к исходному звучание слова помимо андийского сохранилось и в других современных восточнокавказских языках: цезском — *кѣЛ^еин*, гинухском — *кѣЛ^еен*, хваршинском — *кѣЛ^еан*, инхокваринском диалекте чамалинского — *кѣЛ^еон*, бежтинском и гунзибском — *кѣЛ^еун*, в лезгинском (с метатезой) — *мухѣи*, рутульском (с метатезой) — *мукѣи* (Там же).

Ниже остановимся подробнее на этимологии рассматриваемого названия. Структура ойконима *кѣЛ^еанну* (Анди) предстает в следующем виде: *кѣЛ^е* — корень; *а* — связующая гласная между корнем и суффиксом; *нн* — суффикс; *у* — окончание.

Морфологический разбор является необходимым условием для этимологического анализа. Предпринимая попытку этимологии этого и подобных ему названий, мы разделяем собственно этимологию и семасиологию. Этимология раскрывает историю самого слова, выявление его изначальной формы, семантика же служит объяснению его смысловой основы. В нашем случае задача состоит именно в раскрытии этимологии рассматриваемого названия. Таков принимаемый нами подход к аналитической процедуре.

Следует прежде всего отметить, что опора в народной этимологизации на аварское звучание названия села — *ГЛанди*, вместо собственно андийского *КѣЛ^еанну*, на первый взгляд кажется некорректной. Прежде всего, в андийском языке отсутствует звук *гЛ*, выступающий в качестве корневого в аварском названии *ГЛанди*. В андийском этот звук или опускается (когда за ним следует гласная), или передается в виде *а*, *а^и*, *у^а*. Однако при более углубленном анализе выясняется, что в словах, общих для уровня аваро-андийского языкового единства, аналогом аварскому *гЛ* выступает андийское *кѣЛ*. Насколько нам известно, этот момент ранее не отмечался специалистами, изучавшими аваро-андийскую историческую фонологию. Приведем ниже примеры соответствия аварской фонемы *гЛ* андийской *кѣЛ*:

ав.	анд.
<i>гЛанди</i> (с. Анди)	<i>кѣЛ^еанну</i> ²
<i>гЛорцѣн</i> (мул)	<i>кѣЛ^еорцѣн</i>
<i>шагЛ</i> (керамика, обожженная глина)	<i>шокѣЛ^еа</i>
<i>магЛ^еу</i> (слеза, песня-плач)	<i>мокѣЛ^ео</i>

Таким образом, опора как на аварское *гЛанди*, так и на собственно андийское *кѣЛ^еанну* в этимологизации названия села Анди с учетом высказанных выше соображений о взаимных звуковых соответствиях оказывается одинаково правомерной. Помимо прочего, отмеченное делает весьма значимым такой факт, как существование названий сел с корнем *гЛан* (*гЛон*) и в самой аварской ономастике. Такое название сохранилось, например, в качестве старинного ойконима в современном Гунибском районе (*ГЛон-о-да*). Отразилось оно и в названии обитающего в этом же районе субэтноса аварцев *гЛандалал*³ (андалалцы). По аналогии со своим андийским эквивалентом *кѣЛ^еан* аварское *гЛон* (*гЛан*) должно означать “село”. Соответственно андийское *кѣЛ^еаннал* и аварское *гЛандал* (*гЛандалал*) означают одно и то же — “сельчане”, “односельчане”.

Фонетические варианты *гЛон*, *гьон* в аварском и *кѣЛ^еан*, *гьон* в андийском в смысловом отношении тождественны. То, что в рассматриваемых языковых группах эти пары обнаруживаются именно в таком виде, может объясняться только одним — процессом фонетического развития, в течение которого произошла однонаправленная замена в рассматриваемых словах аварского *гЛ* и андийского *кѣЛ* на общее *гь*.

Может быть, это произошло не во всем ареале языков, но магистральная линия, видимо, была именно такой.

Итак, аваро-андийские фонетические конструкции *гьон*=*гIан*=*кьIан* являются этимологическими аналогами. Слово *гьон* в значении “село” сохранилось в андийском. Тогда как предковая для этого слова андийская форма *кь^аан* не вызывает в настоящее время никаких очевидных смысловых ассоциаций.

В аварской же живой речи утеряно слово *гьон*. Отголосками существования его в далеком прошлом являются современные названия сел в различных районах ареала аварского языка, т.е. в бассейне рек Аварское койсу и Кара-койсу (*гьон-охъ*; *гьан-д-ихъ*; *гьон-о-да*). Этимология этих названий (“село”), относящихся ко времени существования аваро-андийского языкового единства, понятна благодаря сохранению данного слова с вполне ясным его значением в современных андийских языках.

Одним из важных моментов в приведенном рассмотрении является то, что отмеченное выше название одного из фрагментов аварского этноса — *гIадалал* (андадалцы) по форме идентично названию андийцев — *кь^ааннал* (андийцы) — при том что на первый взгляд слова эти разные.

В описанном выше факте виден один из примеров проявления модели формирования на Северо-Восточном Кавказе древнейших этнических структур (протоэтносов) и возникновения их наименований. В рассматриваемом случае реализации данной модели не препятствовало то, что две относительно замкнутые внутри себя совокупности населения двух географически не соприкасающихся друг с другом регионов принадлежали одному и тому же аваро-андийскому языковому единству. Здесь реализуется общая закономерность, согласно которой древнейшие образования, имеющие этническую окраску, т.е. протоэтносы, в качестве своей главной характеристики демонстрируют локальность, т.е. такие протоэтнические образования были чрезвычайно ограничены территориально и состояли из нескольких поселений, образующих единую агломерацию.

Принадлежность к одной и той же языковой общности, существовавшей в виде диалектного континуума, в формировании границ указанных протоэтносов, судя по всему, не была решающей. Для функционирования описываемых социальных структур достаточно было факторов, которые служили как минимум поддержке их численности через обеспечение относительного экономического благополучия. Понятно, что осуществлялось это естественным образом, без присутствия каких-либо институтов, способных регулировать данные показатели. Следовательно, и оптимальная социальная структура, ощущающая свою самостоятельность, максимальную “особость” по сравнению с окружающими, у первобытного оседлого населения могла состоять из всего нескольких родственных поселений. Это и были те самые протоэтносы, названия которых, судя по рассматриваемому здесь материалу, сводились к понятию “односельчане”. У разных общин слово это звучало по-своему, но смысл его был один и тот же.

Попутно можно остановиться на вопросе о том, что в андийском языке слово, обозначающее “село”, сохранилось до наших дней в варианте *гьон*, а в аварском в этом значении используется слово *росо*. Последнее имеет совсем иную лексикографическую историю.

Слово *росо* с точки зрения семантики уже привлекало внимание лингвистов. Первым вопроса о его этимологии коснулся П.К. Услар (Письма 1890). Он рассматривал данное слово как отглагольную форму, имеющую семантическую связь с понятиями “взятое”, “перенесенное с места на место”. Эта версия основывалась на представлении о том, что в древности аварцы были кочевниками и тип жилища у них был приспособлен к подвижному укладу жизни. То есть жилища представляли собой юрты, с которыми при необходимости можно было сняться с одного места и переместиться на другое. Для подкрепления этого объяснения отмечалось, что

другое семантически близкое аварское слово *рукъ* (дом, комната) имеет отношение к глаголу *рукъизе* (шить). Основанием устанавливаемой семантической близости считалось то, что изготовление юрты требует сшивания нескольких кусков войлока.

Указанная выше этимология слова *росо* в настоящее время рассматривается как приемлемая (Климов 1990; Хангереев 2004) или не отвергается — по крайней мере в отношении слова *росо* (Алексеев, Атаев 2006). Нельзя, однако, не признать, что аргументация в пользу приведенной этимологии носит сугубо эвристический характер и достоверность приведенного мнения не может быть установлена с привлечением возможностей строгого лингвистического разбора.

На наш взгляд, ключом к этимологической разгадке рассматриваемого слова является структурный анализ данной лексемы. Слово *росо* (*p-o-c-o*) состоит из следующих морфем: *p* (окаменевший показатель грамматического класса), *o* (связующая гласная при классном показателе), *c* (продуктивная, корневая морфема), *o* (окончание, образованное по принципу редупликации гласного первого слога в двухсложном слове, сформированном по схеме СГСГ).

Таким образом, в слове *росо* корнем является морфема *c*. Известно, что в других дагестанских языках (по крайней мере даргинском и лакском) в слове “село” это место занимает *ш*. Совпадение этих морфем, имеющих по данным истории общей дагестанской фонологии закономерные соответствия, не является случайным. Здесь мы видим наличие древнего, если не общедагестанского, то определенно общецентрально-дагестанского слова. В рассматриваемом случае оно имеет морфологические особенности, которые присущи именно аварскому.

В связи с данным сюжетом возникает вопрос — существует ли соответствие слову с указанным корнем *ш* в андийских языках. На него можно ответить утвердительно, но с уточнением, что оно существовало в далеком прошлом и сохранилось в виде названий некоторых современных сел бассейна Андийского койсу. Среди последних можно привести названия андийского села Ашоллу (*A-ш-оллу*), села, в котором проживали ботлихцы, — Ашино (*A-ш-и-но*), современного авароязычного села с субстратовым андийским ойконимом АшилътIа (*A-ш-и-лъ-тIа*) и др. Общим с рассматриваемым словом в аварском варианте здесь является корневая *ш*. Она совпадает в андийских языках с аналогичной морфемой данного слова в даргинском и лакском. И так же, как и в двух последних, данная морфема представляет собой закономерное соответствие аварской *c*. То, что она в данном андийском слове обнаруживает свое полное совпадение не с аварским, а даргинско-лакским вариантом, не вызывает удивления, если придерживаться мнения об относительно ранней дивергенции аваро-андийского языкового единства (Амирханов 2009).

Таким образом, к рассмотренным выше собственно аваро-андийским вариантам обозначения слова “село” (*гъон=гIан=къI°ан*) добавляется еще одно слово — *росо*. Оно отсутствует в живом андийском, но существует в современном аварском в качестве единственного для обозначения понятия “село”. В связи с этим интересен такой факт. В Западном Дагестане имеется несколько “обществ”, а, строго говоря, традиционных союзов сел и хуторов очень древнего происхождения. Интересно, что в наименованиях каждого из трех таких союзов, расположенных на территории современного Тляратинского района, присутствует по одному населенному пункту с названием, означающим буквально “в селе”. Так, в обществе Таш (*Таш*), состоящем из 21 мелкого села и хутора, одно из поселений называется Роста (*РостIа*). В обществе Кособ (*Кособ*), в которое входит 9 сел, одно из последних называется Росно (*Росно*). И в обществе Тлебел (*Лъебел*), объединяющем также 9 сел, одно село носит название Росноб (*Росноб*).

Несмотря на наличие в каждой из рассматриваемых агломераций по одному пункту с вариациями названий, восходящих к *росо*, здесь (как и где-либо еще в ареале расселения аварцев) приведенное звучание не стало основой для какого-либо

этнического или субэтнического наименования. Таковым стало, в частности, аварское *гІан* — соответствующее андийскому *кѣІ^еан*. Иное дело в андийских языках. Здесь в этнонимобразующей роли выступают и *кѣІ^еан* (в языке собственно андийцев), и *аш* (в языке ахвахцев). Почему же в аварском ареале слово *росо* не выступает прото-этнонимобразующей основой так же, как в этом качестве выступает слово *гъон* (“село”) в вариантах *гІан*, *кѣІ^еон*? Ответ, возможно, кроется в том, что слово *росо* в таком виде в аварском языке утвердилось относительно поздно, по крайней мере после распада аваро-андийской, не говоря уже об общедагестанской языковой общности. Об этом говорит, в частности, сложное морфологическое строение слова. Обращает на себя внимание, что слово это в аварском варианте двусложное, тогда как в остальных дагестанских языках слово “село” односложное и не имеет никаких наращений или приращений к корню. Соответственно, ко времени возникновения в аварском слова *росо* основные этнонаименования протоэтносов должны были уже существовать. Сказанное не противоречит тому, что сам корень слова *росо*, скорее всего, не в аварском варианте *с*, а в более древнем — *ш*, относится ко времени теоретического существования общецентральнодагестанского языкового единства.

Арчинцы — самоназвание *аршиттиб*; название основного села арчинцев — *Арша*. Название села сводится к корневому *ш*, как в лакском, даргинском, андийском, ахвахском и других вариантах. Структурный состав слова видится следующим образом: *а* — гласная при окаменевшем классном показателе; *р* — окаменевший классный показатель; *ш* — продуктивный формант, корень. Интересно, что в структуре слова “село” в арчинском присутствует *р* в качестве окаменевшего классного показателя, как в аварском варианте того же слова (*росо*), но в сочетании с корневым *ш*, как в лакском и даргинском. Таким образом, этноним *арчинцы* является производным от древнего (по-видимому, общецентральнодагестанского) слова “село” и означает по своему смыслу “сельчане”, “односельчане”.

Ахвахцы — самоназвание *ашвадо*. Собственно ахвахское название основного села — *Гъанлѣ*, что значит “село” или “в селе”. Официальное название представляет аварскую кальку с ахвахского значения данного слова с добавлением прилагательного “большое”. Звучит это как *Кудияб росо* (“Большое село”).

Таким образом, значение современного собственно ахвахского ойконима *гъанлѣ* — “в селе” (*гъан* — “село”). На первый взгляд, между этим ойкономом и названием этноса, населяющего его, нет ничего общего. Однако дело предстает сложнее и интереснее, если рассмотреть этимологию самоназвания ахвахцев *ашвадо*. Корневой морфемой здесь является *ш*, и само это слово, оформленное в общеандийском варианте с начальным *а*, означает “в селе” (см. выше). Соответственно, название *ашвадо* (корень — *аш^е*), предшествовавшее современному ойкониму *гъанлѣ* (что тоже, как отмечено, означает “в селе”; корень — *гъан*) и явилось основой для возникновения современного этнического самоназвания *ашвадо* — ахвахцы.

Этноним *ахвахцы* в русском звучании происходит от аварского *ахвалал* (*гІахъ-валал*). В этом названии по данным исторической фонологии звук *хъ* является закономерным аварским соответствием ахвахскому (шире — общеандийскому *ш*). Соответственно, до теоретического расхождения указанных языков в аварском звучании этот этноним должен был иметь вид *ашвалал* (*гІашва-лал*). В корневой части это практически идентично по звучанию современному ахвахскому самоназванию.

Таким образом, мы явственно видим здесь переслаивание двух разновременных, но одинаковых по значению элементов лексики, выраженных в слове “село”. Важно и то, что здесь можно говорить о последовательности возникновения этих слов — слово “село” в варианте с корнем *ш* (*аш^е*), по всей видимости, предшествовало времени образования лексемы *гъан*.

Приведенные выше примеры представляются достаточными для того, чтобы наметить направление решения проблемы в отношении названий и других “малых народов” Восточного Кавказа (например, народов шахдагской группы).

Интересно, что выступающая типичной для Дагестана модель образования названий малых этносов, субэтносов (изначально протоэтносов) от понятия “село” не предстает универсальной для всего Кавказа. Мы не находим ее, например, в соседней с Дагестаном Чечне, на Центральном и Западном Кавказе. Можно было бы объяснить это отсутствием там этнической пестроты, о которой идет речь. Однако наличие столь выраженного этнического многообразия (там, где оно существует, например в Дагестане) тоже требует своего объяснения. Дагестан в этом отношении отличается от остальных областей Северного Кавказа тем, что культурное развитие в протоисторическую эпоху шло здесь по переднеазиатскому типу, тогда как в остальной части Северного Кавказа оно протекало в большей степени по евразийскому (в современном политико-географическом понимании Евразии) образцу. Но при этом процесс развития раннеземледельческого общества, имевший результатом возникновение городов, государства, полного набора признаков древней цивилизации, не получил на Северо-Восточном Кавказе того продолжения, которое имело место в плодородных долинах рек Южной Азии и Северной Африки. В одном на территории Дагестана данный процесс воплотился целиком. Речь идет об очень раннем (не позднее VI тыс. до н.э.) сложении прочной оседлости (Амирханов 1987). Это было результатом столь же раннего возникновения и непрерывного функционирования на протяжении многих тысячелетий земледельческого типа хозяйствования. Именно этим объясняется сложение и сохранение стабильных общественных структур, масштаб и потенциал которых ограничивались лишь имеющимися ресурсами и возможностями их использования.

Эти достаточно замкнутые и связанные системой брачных отношений, обязательствах всех видов взаимопомощи, а также единым культом и обрядами объединения были прообразом будущих этносов. На своей начальной стадии протоэтносы должны были организовывать сообщества, состоящие из двух, как минимум, и до нескольких самостоятельных поселений. Дальнейшее развитие данных образований в направлении расширения их ареала и увеличения численности их членов в условиях Северо-Восточного Кавказа не могло предполагать существенного прогресса. Это, разумеется, при условии действия только внутренних факторов. Но в ходе развития вступали в действие разнообразные внешние факторы. Иногда они проявлялись в виде военных конфликтов, менявших культурные ареалы. Возникали средние, а то и дальние по протяженности торговые контакты, складывались новые локальные политические, экономические и оборонительные союзы и т.п. Все это определяло превращение изначально аморфных протоэтносов в относительно сформировавшиеся этносы. Если же внешние факторы воздействия отсутствовали, то это гарантировало функционирование протоэтносов в существующем виде неограниченно долго. На одних частях исторической карты Северо-Восточного Кавказа просматриваются результаты реализации одного из указанных направлений развития событий, а на других, например, в Дагестане, в рассматриваемом аспекте можно видеть практическое отсутствие существенных трансформаций на протяжении тысячелетий.

Процесс перехода типично общинных форм социальной организации в формат государственных вел в Дагестане к образованию относительно крупных этнических общностей, соответствующих современному значению понятия “народ”. Интересно, что возникающие при этом новые экзоэтнонимы повторяли модель образования эндоэтнонимов, свойственную прежде для протоэтносов. Например, аварцы именовали даргинцев цудахарцами или акушинцами по названиям соответствующих крупных даргинских сел, которые были в Средневековые культурными,

религиозными и экономическими центрами формирующегося общедаргинского этноса. Андийцы же именовали лакцев кумухцами (*гъумекидирал*) по названию села Кази-Кумух — исторического центра этого народа.

Следует, однако, отметить, что на указанном выше этапе в Дагестане намечается появление и нового пути образования этнических названий. Главное в нем то, что он отражает качественно более широкий, чем на стадии протоэтноса, пространственный масштаб, который был положен в основу этнодифференциации и образования экзо-этнонимов. Теперь крупные экономико-культурно-политические общности Восточного Кавказа отражают в своих названиях не узколокальную приуроченность к месту их обитания, а широкую ландшафтно-географическую локализацию того или иного народа. Например, аварцы называют себя *маарулал*, что переводится с аварского как “горцы”. Лакское название аварцев — *ярусса* — буквально значит “верхние”, т.е. обитающие в высокогорье. Кумыкское название аварцев — *таулу* — является тюркской калькой с того же аварского *магIарулал*, т.е. “горцы”. В свою очередь, аварское название кумыков звучит как *тляраал* (*лъарагIал*). Название это происходит от аварских слов *тлел раал* (*лъел рагIал* — букв. “край воды”), т.е. “обитатели побережий”, “прибрежные”. Если говорить об этимологии самоназвания кумыков — *къумукъ*, то из существующих на этот счет версий наиболее убедительной представляется этимология “обитатели песков”. Последнее также служит подкреплению высказываемой мысли о широком “ландшафтно-географическом” принципе образования этнонимов относительно крупных народов Восточного Кавказа. Впрочем, это характерно не только для указанного региона. Вспомним, например, названия древних славянских этносов и субэтносов: поляне, древляне, поморы и т.п.

Другой путь образования этнонима на этапе формирования народов Дагестана связан с использованием понятия “человек”, как это представлено у лакцев. Вполне обоснованной кажется точка зрения, согласно которой самоназвание лакцев *лакку* возводится к общедагестанской основе *лег* (“человек”) (*Абдуллаев, Микаилов* 1971; *Абдуллаев* 1915; *Алиев* 2017).

От того же древнего понятия *лег* с метатезой формы его множественного числа (*легз* — *лезз*) происходит этноним “лезгин”. Интересно, что еще в первой половине XIX в. ни предки современных лезгин, ни народы, окружающие их, не использовали такого этнонаименования. Подтверждением служит хотя бы такой факт, что свой труд, посвященный языку современных ему лезгин, П.К. Услар назвал не “Лезгинский язык”, а “Кюринский язык” (*Услар* 1896). Аналогично даргинский (в современном понимании) язык назван им “хюркалинским” (*Услар* 1892), хотя, если судить по часто цитируемому его письму академику А. Шифнеру (“...займусь языками Даргя, из которых самый чистый есть — ураклинский”) (Письма 1890), П. Услару было известно понятие *дарго*. И тем не менее не говорит ли это об отсутствии в то время общепринятых сейчас, спустя полтора века, этнонимов “даргинцы” и “лезгины”? Особенно учитывая, что языки табасаранцев, лакцев, аварцев названы сообразно с существовавшими тогда и сохранившимися неизменно до наших дней этнонимами.

Вероятно, можно говорить о существовании и третьего варианта образования названий относительно крупных народов Дагестана, находившихся еще на стадии своего формирования. Он относится к определению особенностей социально-политического устройства, которому привержено данное этническое сообщество. Это отмечал знаток традиционной социальной антропологии Дагестана М.А. Агларов (*Агларов* 2013). По его мнению, смысл названия “даргинцы” имеет этимологическую нагрузку социально-политического характера.

Сюжет о *дарго*, конечно, представляет особый интерес. Не зря он стал предметом специального рассмотрения историков (*Агларов* 2013; *Алиев*, 2017). Дарго — название этноса, этимология которого восходит, по сути, к понятию “государство”⁴. Именно этот смысл (букв. — “порядок”, “справедливость”) заключен в названии

конфедерации союзов сельских общин Акуша-дарго, возникшей вокруг с. Акуша и функционировавшей как политическое образование раннегосударственного типа. Данный случай представляет собой хороший пример появления новой тенденции этнической самоидентификации на стадии перехода от общинной к раннегосударственной форме социально-политической организации и возникновения соответствующего принципа образования этнонаименования. Данный случай, по-видимому, не является исключительным. Судя по всему, он отражает более широкую тенденцию образования этнонимов. Имеется древнетюркское многозначное понятие *эль*, обозначающее народ с определенным типом государственной (раннегосударственной) формы политической организации (*Гумилев* 1994). Можно предположить, что именно это понятие является частью названия этнической территории современных марийцев — Марий Эл. То, что марийцы являются финно-уграми, конечно, не может противоречить отмеченному, т.к. их история на протяжении многих столетий была тесно переплетена с историей поволжских тюрков.

* * *

Этнолингвистический анализ дает возможность зафиксировать в этнической истории Северо-Восточного Кавказа проявления процесса становления протоэтносов и их последующего развития в этносы.

Морфолого-лингвистическое и этимологическое рассмотрение приводит к выводу, что названия по крайней мере некоторых современных разноэтнических “малых народов” Северо-Восточного Кавказа происходят от названий этнонимобразующих населенных пунктов — “главных” сел того или иного этноса (протоэтноса). Последние же во всех рассмотренных случаях имеют одну и ту же этимологию — “село”.

Общеисторический смысл развития протоэтноса в собственно этнос (в современном понимании) в регионе Северо-Восточного Кавказа состоит в том, что он отражает трансформацию территориально-общинного устройства в социально-политические нормы раннегосударственного типа.

Примечания

¹ Все фонетические транскрипции даются в соответствии с современным кириллическим аварским алфавитом. Используемый в дополнение к этому знак *кӟ* / обозначает звук, близкий к *кб*, но отличающийся тем, что он звонкий и лишен абруптивности.

² Здесь удвоенное анд. *nn* является аналогом *nd*. в ав.

³ Ср.: андийцы — *гИандал*.

⁴ Бытует и народная этимология понятия *дарго* в значении “внутренние”, т.е. располагающиеся внутри горной территории. Но нет уверенности в том, что данное слово исконно даргинское. Варианты слова *дарго* присутствуют и в других языках Дагестана в значении “блюститель порядка”. Это не подтверждает указанный вариант народной этимологии.

Источники и материалы

Письма 1890 — Письма П.К. Услара к А.А. Шифнеру // Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. IV. Лакский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1890.

Научная литература

Абдуллаев И.Х., Микаилов К.Ш. К истории дагестанских этнонимов Лезг и Лак // Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 13–26.

- Абдуллаев И.Х. Междагестанские и межкавказские языковые контакты: историко-этимологические, ареальные и ономастические исследования. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Алеф, 2015.
- Агларов М.А. Этногенез в свете политантропологии и этнонимии в Дагестане. Махачкала: МавраевЪ, 2013.
- Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварские этимологии // Кавказский лингвистический сборник / Отв. ред. М.Е. Алексеев. М.: Academia, 2006. С. 5–11.
- Алиев Б.Г. К вопросу о названиях “община”, “союз общин” и об этнотерминах в языках народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 1 (49). С. 16–27.
- Амирханов Х.А. Проблема дивергенции аварского и андийских языков в свете археолингвистического рассмотрения // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 3 (19). С. 3–12.
- Амирханов Х.А. Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. 1987.
- Гумилев Л.Н. Возникновение российского пространства. Тяга к истории // Арабески истории. Кн. I. Русский взгляд / Сост. А.И. Курчи. М.: ДИ-ДИК, 1994. С. 280–293.
- Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990.
- Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. V. Хюркалинский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1892.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Вып. VI. Кюринский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, 1896.
- Хангереев М.Д. Словообразование в аварском языке. Махачкала, 2004.
- Nikolayev S.L., Starostin S.A. (eds.) A North Caucasian Etymological Dictionary. M.: Asterisk, 1994.

Research Article

Amirkhanov, H.A. Oikonyms and Ethnonyms in Dagestan [Oikonimy i etnonimy v Dagestane]. *Et-nograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 173–183. <https://doi.org/10.31857/S086954150006198-7>
ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Hizri Amirkhanov | <https://orcid.org/0000-0002-9904-2539> | amirkhanov@rambler.ru | Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (19 Dm. Ul'ianova St., Moscow, 117292, Russia)

Keywords

Dagestan, numerically small peoples, proto-ethnic groups, oikonyms, ethnonyms

Abstract

Studying the ethnonyms of numerically small peoples of Dagestan testifies to the conclusion that these ethnonyms must have been derived from names of the villages that played an important part in the life of a given ethnic group. Etymologically, names of villages themselves appear to be derivatives of the word denoting “village”. Therefore, ethnonyms, which may bear a meaning unclear to members of the corresponding ethnic group, carry the same denotation of “villagers”. This pattern is evident in some cases and less so in others. Still, this indicates that the origin of early ethnic designations in early ethnic (or proto-ethnic) groups may be related to the process of transformation of oikonyms into ethnonyms. At any rate, this model appears to be applicable to early agricultural sedentary societies, such as those found in Dagestan where the continuity of historical development and traditions constituted a case significantly different from those in other regions of the North Caucasus.

References

- Abdullaev, I.Kh. 2015. *Mezhdagestanskije i mezhkavkazskie yazykovye kontakty: istoriko-etimologicheskie, areal'nye i onomasticheskie issledovaniia* [Inter-Dagestan and Inter-Caucasian Lan-

- guage Contacts: Historical-Etymological, Area, and Onomastic Studies]. Makhachkala: IlaLI DNTs RAN; Alef.
- Abdullaev, I.X., and K.Sh. Mikailov. 1971. K istorii dagestanskikh etnonimov Lezg i Lak [To the History of the Dagestan Ethnonym Lezg and Lak]. In *Etnografiia imen* [Ethnography of Names], 13–26. Moscow: Nauka.
- Aglarov, M.A. 2013. *Etnogenez v svete politantropologii i etnonimii v Dagestane* [Ethnogenesis in the Light of Poplitical Anthropology and Ethnonyms in Dagestan]. Makhachkala: Mavraev'.
- Alekseev, M.E., and B.M. Ataev. 2006. Avarskie etimologii [Avar Etymology]. In *Kavkazskii lingvisticheskii sbornik* [Caucasian Linguistic Collection], edited by M.E. Alekseev, 5–11. Moscow: Academia.
- Aliev, B.G. 2017. K voprosu o nazvaniiaxh “obshchina”, “soiuz obshchin” i ob etnoterminakh v yazykakh narodov Dagestana [To the Problem of the Terms “Community”, “Union of Communities” and Ethnoterms in the Languages of the Peoples of Dagestan]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* 1 (49): 16–27.
- Amirkhanov, Kh.A. 1987. *Chokhskoe poselenie: chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana* [Chokh Settlement: Man and His Culture in the Mesolithic and Neolithic of Mountainous Dagestan]. Moscow: Nauka.
- Amirkhanov, Kh.A. 2009. *Problema divergentsii avarskogo i andiiskikh iazykov v svete arkheolingvisticheskogo rassmotreniia* [The Problem of Divergence of Avar and Andi Languages in the Light of Archeolinguistic Consideration]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* 3 (19): 3–12.
- Gumilev, L.N. 1994. Vozniknovenie rossiiskogo prostranstva. Tiaga k istorii [The Emergence of Russian Space. A Yearning for History]. In *Arabeski istorii*. Bk. I, *Russkii vzgliad* [The Arabesques of History. Bk. I, The Russian View], edited by A.I. Kurkchi, 280–293. Moskva: DI-DIK.
- Khangereev, M.D. 2004. *Slovoobrazovanie v avarskom yazyke* [Word Formation in the Avar Language]. Makhachkala.
- Klimov, G.A. 1990. *Osnovy lingvisticheskoi komparativistiki* [Basics of Linguistic Comparativistics]. Moscow: Nauka.
- Nikolayev, S.L., and S.A. Starostin, eds. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviem po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for the Ethnos. Studies on Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Uslar, P.K. 1892. *Etnografiia Kavkaza. Yazykoznanie*. Vol. V, *Khiurkalinskii yazyk* [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. Vol. V. The Hürkali Language]. Tiflis: Izdanie Upravleniia Kavkazskogo Uchebnogo Okruga.
- Uslar, P.K. 1896. *Etnografiia Kavkaza. Yazykoznanie*. Vol. VI, *Kiurinskii yazyk* [Ethnography of the Caucasus. Linguistics. Vol. VI. Kuri Language]. Tiflis: Izdanie Upravleniia Kavkazskogo Uchebnogo Okruga.